

СТАЛКЕР

Дмитрий Силлов

ЗАКОН ЯКУДЗЫ

Дмитрий Олегович Силлов
Закон якудзы
Серия «Апокалипсис-СТ»
Серия «Снайпер», книга 27
Серия «Якудза», книга 4

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39850946
Закон якудзы: Издательство АСТ; М.; 2018
ISBN 978-5-17-113001-5

Аннотация

Тем, кто нарушает законы якудзы, не позавидуешь – ночные убийцы мстят таким отступникам жестоко и неотвратимо.

Закон, за соблюдением которого ревностно следил древний клан якудзы, нарушил сталкер по прозвищу Снайпер – используя свою способность путешествовать сквозь пространство и время, он изменил прошлое и будущее Зоны. И теперь ему никто не поможет, даже старый друг Виктор Савельев по прозвищу Японец, которому якудза поручила ликвидировать Снайпера, – ведь если Виктор откажется, погибнут близкие ему люди, ради которых он готов пожертвовать своей жизнью.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

81

Дмитрий Олегович Силлов

Закон якудзы

© Д. О. Силлов, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Автор искренне благодарит

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ,

Алексея Ионова, ведущего бренд-менеджера издательства АСТ за поддержку и продвижение проектов «СТАЛ-КЕР», «ГАДЖЕТ» и «КРЕМЛЬ 2222»;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по чернойбыльской Зоне отчуждения за ценные советы;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru и www.real-street-fighting.ru;

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Елену Диденко, Татьяну Федорищеву, Нику Мельн, Виталия «Дальнобойщика» Павловского, Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калинцева, Виталия «Винт» Лепестова, Андрея Гучкова, Владимира Николаева, Вадима Панкова, Сергея Настобурко, Ростислава Кукина, Алексея Его-

рова, Глеба Ханусова и Алексея Загребельного за помощь в развитии проектов «СТАЛКЕР», «ГАДЖЕТ» и «КРЕМЛЬ 2222»;

а также всех друзей социальной сети «ВКонтакте», участвовавших в опросах по поводу романа «Закон якудзы».

*** * ***

Он бежал. Так, как никогда не бегал до этого. Его сердце готово было выскочить из груди, и не от мышечного напряжения – он был слишком хорошо тренирован для этого. Это сдавали нервы. Обычный стресс, который свойственен человеку, даже если он ученик якудзы. Профессиональный убийца, воспитанный в секретной японской школе клана Сумиё-си-кай.

Он видел, как к его дому неторопливо подъезжает крытый почтовый автомобиль, один из тех, что развозят заказные письма и посылки жителям частных домов. Удобный сервис, хоть и не дешевый. Хотя что хорошее в этом мире обходится дешево?

Так почему же сердце бегущего готово было выскочить из груди при виде этой безобидной машины?

Просто кто в ней находится.

Наемники профессора Кречетова, которых тот нанял для того, чтобы убить его, Виктора Савельева, которому в чернобыльской Зоне за столь необычное прошлое дали прозви-

ще Японец. А еще в этой машине где-нибудь на заднем сиденье лежала бомба, замаскированная под посылку, которую те наемники должны были передать в руки Японца.

Однако смертоносную коробку по ошибке приняла жена Виктора. И через несколько секунд раздался взрыв. Так Савельев за одно мгновение потерял свою Мяуку, маленького сына и смысл жизни...

И сейчас у Японца была возможность исправить свое прошлое.

Вторая возможность...

Однажды ему уже удалось вернуться в этот день. Но тогда он просто не успел добежать до почтового автомобиля. Виктор видел, как машина отъезжает от ворот его дома, как закрывается почтовое окошко в воротах. Он даже успел заметить мелькнувшую в нем руку жены, которая приняла посылку...

А потом раздался взрыв... Взрыв, который он уже видел однажды изнутри, выбежав из своего коттеджа, чтобы прикрыть своим телом родных ему людей...

Он не успел тогда.

Он не успел и потом, вернувшись в прошлое.

Но сейчас он точно успевал!

Машина только подъезжала к воротам его дома, гася скорость. И тем, кто находился внутри нее, еще нужно было выйти, дойти до ворот, позвонить. Минуты две на всё про всё. Вполне достаточное время для ученика якудзы, чтобы

добежать до цели и голыми руками разорвать на части посланников смерти.

Он точно успевал!..

Но внезапно чья-то темная человеческая фигура заступила ему путь, появившись словно ниоткуда.

Конечно, она сделала это зря.

Виктор никогда не убивал просто так. Но сейчас у него просто не было выбора.

Пальцы правой руки сами сложились в подобие наконечника копья – и он ударил. В точку суйгэцу, расположенную в районе солнечного сплетения и относящуюся к сокуси – областям человеческого тела, умелый удар в которые приводит к мгновенной смерти.

Вряд ли кто-то в этой части света мог парировать удар, нанесенный Мастером стихии Воды. Виктор знал это совершенно точно. Ведь бил он не рукой, а твердым *намерением* лишить жизни человека, вставшего у него на пути. Это совершенно разные вещи. Примерно как увернуться от пули, выпущенной на расстоянии протянутой руки.

Но фигура увернулась!

Виктору показалось, что она исчезла на мгновение – настолько стремительным было ее движение – и появилась вновь, сместившись едва ли на дециметр относительно своего прежнего положения.

А рука Виктора провалилась в пустоту. Вместе с ужасающей энергией *намерения*, подпитанного всепоглощающей

яростью. И при этом он почувствовал легкое прикосновение к точке, расположенной под левым ухом.

Мастера дим мак, тайного искусства замедленной смерти, называют эту точку «защита от ветра». Им, мастерам, виднее, почему они так называли одну из самых уязвимых областей человеческого организма. Может, потому, что один лишь ветер не может причинить ей вреда. А вот хорошему бойцу достаточно несильного удара в эту точку, чтобы повергнуть противника наземь. Тому же, кто способен парировать удар *намерением*, для того же вполне хватит и одного касания.

Виктор почувствовал, как всё его тело вдруг просто отказалось ему служить. Ноги по инерции, на рефлексх сделали еще шаг, другой – и подкосились, став словно ватными.

Савельев упал на колени и стал медленно заваливаться набок. Однако гаснущее сознание всё еще фиксировало то, что происходило впереди, возле ворот.

Как из фургона выходит тип в кожаной куртке с коробкой в руке...

Как протягивает руку к звонку...

Как открывается окошко в воротах...

Как посылка исчезает в нем...

Как сломя голову мчится к своей машине тип в кожанке, и как та машина, визжа покрышками об асфальт, срывается с места...

Савельев лежал на боку, понимая, что проваливается в пу-

стоту. И даже яркая вспышка взрыва, резанувшая по глазам, не смогла вырвать меркнувшее сознание Виктора из ледяных объятий той пустоты...

* * *

Полковник стоял у окна, нервно покусывая спичку, уже изрядно разлохмаченную зубами. Бросить курить получилось уже больше года назад. А отбить привычку грызть сигаретный фильтр – не вышло. Поэтому теперь вместо терпкого привкуса любимой «Герцеговины флор» во рту поселилась мерзкая горечь жеваного дерева.

Впрочем, думать она не мешала. А подумать было о чем.
– Так что с ним делать, товарищ полковник?

Голос говорившего был грубым, командирским, жесткости которому добавляла привязанность к кондовому советскому «Беломору». С появлением подчиненного кабинет заполнил знакомый запах недавнего перекура, который начинаешь очень хорошо чувствовать от других, когда сам завязал с дурной привычкой. Хотя и произошло это довольно давно, а все равно ноздри реагируют, как у голодной гончей, почуявшей свежий след.

– Повторите еще раз ваш доклад, майор, – не оборачиваясь бросил полковник через плечо.

Сзади послышался старательно подавленный негромкий страдальческий вздох, после которого «беломорный» голос

начал скучно говорить:

– Сегодня при патрулировании объекта сержантом Соколовым и рядовыми Дьяконовым, Борисенко и Фокиным задержан гражданин подозрительного вида. Одет в камбинезон камуфляжной раскраски, известный как «камуфляж КГБ», и ботинки явно зарубежного производства. Особые приметы. На кистях рук имеются глубоко въевшиеся следы пороховой гари, на указательном пальце присутствуют характерные изменения кожи, вероятно от спускового крючка. Предплечье левой руки опоясывает странная, немного выпуклая татуировка в форме змеи. При задержанном найдены следующие предметы. Стреляные гильзы в карманах от огнестрельного оружия различных систем, в том числе импортного производства – как известных калибров, так и не встречавшихся мною ранее. На шее задержанного при обыске был найден камень, слабо светящийся красноватым светом. Также у него были конфискованы часы, явно произведенные не в Советском Союзе.

– Ну, и что ты предлагаешь? – поинтересовался полковник. И добавил: – Неофициально, разумеется.

– По моему глубокому убеждению, следует доложить сами знаете куда. И ежу понятно, что это иностранный шпион, заброшенный на Украину западными спецслужбами. Не исключаю, что он имеет прямое отношение к взрыву на Чернобыльской АЭС, последствия которого мы сейчас разгребаем.

– Ага, ты прям самолично обломки ТВЭЛов с двуокисью

урана разгребашь с кровли третьего энергоблока и в разрушенный четвертый скидывашь, – поморщившись, произнес полковник. – А потом как перчатки снимаешь собственную кожу с рук, хватанув тысячу рентген в час.

– Поясните, пожалуйста, что вы имеете в виду, товарищ полковник, – процедил сквозь сжатые зубы майор. – Я полностью отдаю свой долг Родине, обеспечивая круглосуточную охрану объекта. И я считаю...

– Ты считаешь?

Полковник круто развернулся, выплюнув спичку. Которая, кувыркнувшись в воздухе, отскочила от начищенного до блеска сапога майора.

– Ты считаешь, что нужно докладывать в Комитет госбезопасности о каждом придурке, прочитавшем фантастический роман и посмотревшем снятый по нему популярный фильм про сталкеров? Так ведь он себя назвал, верно? Сталкером? А потом приедет проверка из КГБ, после чего в лучшем случае мы вылетим из армии по служебному несоответствию. И комитетчики будут правы. Потому что нечего хрену страдать и отнимать время у серьезных людей.

Майор смотрел в пол, так что за насупленными бровями глаз почти не видно. Зато хорошо заметно было, как перекачиваются желваки на его лице.

– И что прикажете делать с задержанным? – глухо проговорил он.

Полковник скрипнул зубами вхолостую, забыв, что между

ними уже нет прослойки в виде жеваной спички. Впрочем, может, оно было и к лучшему. Пока смотрел в окно, плюща передними резцами тонкую деревяшку, ничего путного в голову не приходило. А тут словно озарило.

— А что вы делали во Вьетнаме с нежелательными пленными, когда служили там Родине в должности военного консультанта? — хмыкнув, поинтересовался он.

Майор замер на мгновение, осознавая услышанное, потом поднял голову. К своему удивлению, полковник увидел в заблиставших глазах подчиненного что-то похожее на радость.

— Разрешите выполнять?

— Разрешаю идти, — осторожно сказал полковник. Ведь всем известно, что заданный вопрос, оставшийся без ответа, приказом не является. А в случае чего он и знать не знает, что там нафантазировал себе майор внутренних войск, ранее поучаствовавший во многих внешних конфликтах.

* * *

Что бы там ни говорили восточные мудрецы, пустота редко бывает действительно пустой. И даже если таковое случается, рано или поздно она все равно начинает чем-то заполняться. Например, как сейчас, — тусклым светом, навязчиво пробивающимся сквозь закрытые веки.

Свет был странным. Тусклым. Безжизненным. Свет не бывает таким. И чтобы разобраться в природе столь удивитель-

ного явления, стоило открыть глаза.

Что Виктор и сделал.

И удивился еще больше.

Это действительно была пустота, заполняющая всё вокруг, светящаяся сама по себе.

Мертвая...

Виктор сразу вспомнил, где он видел подобный свет.

Это было давно, словно в иной жизни. Испытание Воды. Поверхность озера, гладкая, как зеркало, глядя на которую так легко погрузиться в состояние мицу-но кокоро, что в переводе с японского и означает «разум как поверхность озера». Состояние, когда нет ни мыслей, ни ощущений, как нет ни малейшей ряби на глади воды в безветренное весеннее утро. Лишь в этом состоянии можно увидеть истинный мир таким, какой он есть на самом деле. Такое видение мира по-японски называется «нёдзё».

Тогда Савельев впервые увидел камни, живущие жизнью *неживого*. Бесформенные глыбы, светящиеся слабым белым светом.

Таким же, что заполнял сейчас собой пустоту вокруг Виктора.

Мертвым светом *неживого* – и одновременно живым.

Понять это невозможно непосвященному, для которого «нёдзё» – всего лишь слово. Звук, рождающийся – и тут же умирающий, за которым нет ничего, кроме колебания воздуха. Но тем, кто испытал это состояние, не нужны звуки. Они

и без них прекрасно понимают друг друга. И легко узнают себе подобных среди толпы...

Так же, как сейчас Виктор узнал того, что возник из пустоты и сел напротив него, положив рядом свой посох.

На этот раз Виктор не удивился. Он уже достаточно пришел в себя, чтобы поддаваться обычным человеческим эмоциям. Поэтому Савельев также приподнялся и сел, скрестив ноги в позе лотоса. Лучшее положение для пребывания в пустоте, когда не совсем понятно, сидишь ты или же висишь в воздухе.

Они синхронно поклонились друг другу, причем поклон Виктора был на три сун¹ ниже – так всегда ученик клана Сумиёси-кай приветствует учителя, который первым нарушил слегка затянувшееся молчание.

– Я рад, что ты не забыл, как это делается, Оми-но ками. И удивлен тому, насколько ты успел покрыть своё ками² грязью, которую порождает ярость и ненависть.

– Я тоже рад видеть вас, сихан³, – произнес Виктор. – Давненько я не слышал имени, которое вы мне дали. Я был уверен, что вы погибли в том бою с тэпподама⁴. И, в свою оче-

¹ Сун (яп.) – японская мера длины, равная 3,03 см

² Ками (яп.) – души людей и предметов, способные к автономному существованию вне тела и обладающие собственным разумом. По представлениям японцев не тело имеет душу, а душа управляет приданным ей телом.

³ Сихан (яп.) – учитель в японских боевых искусствах, по степени мастерства стоящий выше, чем сэнсэй.

⁴ Тэпподама (жарг. якудзы) – убийцы-смертники.

редь, удивлен, что больше не слышал о вас ничего. А насчет ненависти – не вы ли учили меня ненавидеть, когда предлагали убить *неживого*⁵?

Сихан опустил седую голову.

– Знаю, я плохой учитель, – произнес он с горечью. – Моей школы больше нет. Почти все мои ученики погибли, а лучший из них, оставшийся в живых, ради мести пробивает границы миров...

«Ради мести...»

Как же он мог забыть?

– Сихан! – вскричал Виктор. – Зачем? Зачем вы остановили меня?! Ведь я же мог спасти свою семью!!!

– Мог, – негромко проговорил сихан. – И тем самым разорвал бы нежную ткань Времени. После того, как погибли твоя жена и сын, ты ради мести ушел в зараженные земли искать человека, который послал убийц в твой дом. Ты убил многих, но не это главное. В мире есть множество людей, смерть которых никак не повлияет на Время – есть такой человек, нет ли его, для Мироздания разницы никакой. Но там, в зараженных землях, ты спас от смерти сталкера, жизнь которого много значит для этой вселенной. Он из тех редких людей, что имеют свое Предназначение. Тем не менее он должен был погибнуть там, на болотах черновыльскай Зоны,

⁵ Подробно об этих событиях можно прочесть в романе Дмитрия Силлова «Ученик якудзы».

исполнив предначертанное. Но ты не дал этому свершиться⁶, тем самым запустив новую цепочку событий, которые значительно изменили Время. Если б ты сейчас спас свою семью, то продолжил бы жить с ней долго и счастливо. А человек по имени Снайпер погиб бы в Зоне, и Время во многих вселенных Розы Миров потекло совсем по-другому.

Виктор закрыл лицо руками.

– Плевать мне на Время и на другие вселенные, – глухо проговорил он. – Скажи, сихан, зачем мне теперь жить на этом свете, когда ты отобрал у меня последнюю надежду вернуть свою семью?

– Они также моя семья, если ты забыл, – печально произнес старик. – В тот день ты потерял жену и сына, а я – единственную внучку и правнука.

– Тогда разреши мне хотя бы убить того, кто принес в мой дом бомбу!

Взгляд сихана стал еще печальнее.

– Похоже, тебе всё равно, кого убивать, – с грустью произнес он. – Убить подосланного убийцу всё равно, что уничтожить пистолет вместо того, чтобы отомстить тому, кто нажал на спусковой крючок. А того, кто нажал, ты, кстати, пощадил.

Виктор скрипнул зубами – и не нашелся что ответить.

Он и правда не раз мог убить Кречетова, но так и не сделал

⁶ Подробно об этих событиях можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Закон шрама» литературной серии «СТАЛКЕР».

этого. Сихан прав как всегда. И что остается теперь? Вскрыть себе живот по примеру древних самураев, как он хотел сделать сразу после того, как погибла его семья? Когда незачем жить – зачем жить?

– Тебе еще рано умирать, ученик якудзы, – услышал он спокойный голос сихана, похожий на тихое журчание воды в горном ручье. – Предназначение есть не только у Снайпера. Ты тоже отмечен Мирозданием, что случается с людьми не так уж часто.

– И в чем же мое предназначение? – горько усмехнулся Виктор.

– Веками члены высших посвящений клана Сумиёси-кай хранили самое драгоценное, что есть у живущих на земле. Время. Ведь если кто-то, наделенный *силой* и *намерением*, попытается его изменить, наша вселенная может просто погибнуть. Цепочка событий, следующая за этим *изменением*, легко может привести к катастрофе.

– Эффект бабочки?

– Твои соплеменники называют это явление так, – кивнул сихан.

– И при чем тут я? – недоуменно спросил Виктор.

– Я расскажу тебе, при чем здесь ты, – отозвался сихан.

* * *

Меня допрашивали не профессионалы. Это было понятно

с самого начала. Профи перво-наперво пройдутся напильником по зубам, иглы под ногти загонят, присоединят к ним провода, тряханут несколько раз током и лишь потом зададут первый вопрос. Ну, это, конечно, если нет под рукой амитала или пентотала натрия. С «сывороткой правды» допросы выглядят намного эстетичнее. Хотя если бы я рассказал допрашивающим правду, то всё равно вряд ли б они мне поверили.

Поэтому я молчал.

В кабинете их было двое. Сержант-автоматчик, стоявший у двери и державший свой АК на уровне живота так, чтобы ствол смотрел мне в лоб. И сидевший за столом лейтенант с очень ответственным лицом человека, привыкшего неукоснительно выполнять чужие приказы.

Я сразу понял, что сидевший напротив меня «летёха» пересмотрел фильмов про шпионов. Направив мне в лицо древнюю настольную лампу с плафоном в форме каски, он занялся дознанием. Сначала довольно занудно задавал вопросы, на которые не получал ответов. Мое молчание довольно быстро его завело, и он принялся орать, брызжа слюнями:

– Имя?! Фамилия?! С какой целью прибыл на секретный объект?! Где твои сообщники?!

Странный человек. Как будто, если он будет вопить как наскипидаренный павиан, я с большей вероятностью выдам требуемую инфу. Даже интересно, что будет дальше. Судя по

красным погонам внутренних войск, этих горе-дознателей натаскивали исключительно на охранные функции. А вот если в данном кабинете объявятся настоящие профи с синими погонами КГБ, то ситуация действительно осложнится. Поэтому, что «синие» допрашивать умеют.

Я уже понял, что проклятый Монумент выполнил желание Хроноса. Правда, при этом не его, а меня выбросив в тысяча девятьсот восемьдесят восьмой год, примерно через месяц после того, как на четвертом энергоблоке Чернобыльской атомной электростанции произошла печально знаменитая авария.

Тут уже полным ходом шли работы по возведению объекта «Укрытие», который позже назовут Саркофагом. Здесь меня и прихватили «вэвэшники», когда я вылез из разрушенного энергоблока⁷. Под прицелом нескольких автоматов мне ничего не оставалось делать, как позволить надеть на себя наручники. Что ожидаемо окончилось лампой в морду и попыткой получить из меня инфу посредством надавливания на психику.

Военных можно было понять. Из недр разрушенного здания, где дозиметры зашкаливают, а люди падают без сознания, получив критические дозы облучения, запросто так вылезает незнакомый тип, мол, так оно и надо. Готов поспорить, что сейчас начальство этого зеленого «летёхи» остер-

⁷ Подробно об этих событиях можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Закон Припяти» литературной серии «СТАЛКЕР».

венело чешет репы на тему, что же ему со мной делать. Небось, уже в Москву доложили, и сейчас сюда летит ку-ча кэгэбэшников, врачей и ученых, чтобы детально изучить странное двуногое явление, выползшее из радиоактивных развалин.

Между тем лейтенант охрип с непривычки. Сейчас он от-дувался на своем стуле и пил воду прямо из графина большими глотками. Я же смотрел на его кадык, передвигающийся по шее сверху-вниз и обратно, и прикидывал, что если сей-час долбануть ногой по этому кадыку, то по идее всё может получиться просто. Сержант-срочник наверняка никогда не стрелял в живых людей, а это по первому разу не такое уж простое дело. Поэтому прежде, чем стучать по горлу лейте-нанта, надо будет отвести в сторону ствол АК и долбануть сержанта берцем в промежность. А потом уже да, зарядить в кадык неудавшегося дознавателя. Руки мне сковали перед собой, так что я мог бы запросто выудить ключи из кармана «летёхи», разомкнуть наручники, и поминай как меня звали.

Правда, было одно но.

Выйти отсюда вряд ли получится. Переодеться в унифор-му лейтенанта не выйдет – он был высоким и при этом до-вольно упитанным, на мне его шмот будет смотреться как на пугале. А сержант ниже меня на голову и значительно шире в плечах. В общем, тоже не вариант. Поэтому всё, что мне оставалось, так это сидеть, щурясь от света лампы, любовать-ся на гуляющий кадык и признаваться самому себе, что бо-

лее-менее приемлемого плана спасения у меня просто нет.

Внезапно входная дверь распахнулась. Лейтенант поперхнулся водой, вскочил, суетливо поставил графин на край стола, но не рассчитал – стеклянная посуда грохнулась на пол и разбилась. «Летёха» же, кашляя и брызгая слезами из вмиг покрасневших глаз, вытянулся, подобрав брюхо, и приложил напряженную ладонь к фуражке. Автоматчик, забросив оружие за спину, сделал то же самое. Дебил, однозначно. Сказали охранять – охраняй, мало ли что у меня на уме.

– Вольно, – брезгливо поморщившись, произнес майор, входя в кабинет. – И пошли вон нах. Оба.

Лейтенант, зажав рот ладонью и сотрясаясь в кашле, пульей выскочил из помещения. Автоматчик второй пульей вымелся вслед за ним, только их и видели.

Ага. Судя по тому, как старательно тянул лейтенант напряженную ладошку к головному убору, майор пользуется уважением у коллег. И не только за то, что – видно по фигуре – активно занимается спортом. Судя по повадкам, майор был то ли замполитом, то ли доверенным лицом вышестоящего начальства. То ли и тем и другим одновременно, что в войсках приравнивалось к статусу местного бога, наделенного властью карать и миловать.

– Теперь поговорим, – сказал майор, проигнорировав пустой стул и присаживаясь на край стола. – Ну что, расскажешь всё сам? Или придется принимать крайние меры?

Глаза майора слегка смахивали на селедочные – такие же

ничего не выражающие, немигающие. Это не зеленый лейтенант, подавившийся водой. Это тертый калач, которому приходилось убивать голыми руками – я таких за версту чую. Но и он не поверит тому, что я мог бы рассказать. А выдумывать правдоподобную историю было тупо лень.

– Ладно, – сказал майор.

Его рука нырнула за пазуху и извлекла из скрытой подмышечной кобуры компактный ПСС. Пистолет самозарядный специальный, бесшумная и компактная новинка восьмидесятых, разработанная для спецподразделений Советского Союза. Интересно, откуда у «вэвэшного» майора эдакая игрушка? Впрочем, судя по тому, что он достал именно ее, игнорируя табельный ПМ, висящий на поясе в уставной кобуре, допрос и правда перешел в стадию применения крайних мер.

– У меня есть полномочия зачистить тебя вглухую, – сообщил майор, слегка прищулив свои рыбы глаза. – Так, будто тебя и не было. Но мне всё-таки интересно, кто ты такой и откуда у тебя «кагэбэшный» камуфляж. Поэтому для начала я прострелю тебе колено. Потом второе. Потом локтевые суставы. Потом плечевые. Потом тазобедренные...

– А жаба не задушит?

– Что? – с ноткой легкого удивления переспросил майор.

– Патроны СП-4 для ПСС штука дефицитная. И дорогая. Ты ж, небось, их не в оружейке своей части получаешь, а берешь у куратора. Который за каждый из них с тебя семь

шкур спустит. Вот я и интересуюсь – не жалко такой дефицит тратить не пойми на кого?

– О как! – поднял брови майор. – Я так и понял, что птица ты не простая. И про СП-4 в курсе, и про секретный ПСС, и про куратора. Однако думаю, что в данном случае он сочтет оправданным использование дефицитных боеприпасов.

И поднял пистолет. Но прежде, чем он выстрелил, я успел сказать:

– А ты не подумал, что куратор у нас может быть один и тот же?

Палец, выжавший половину слабины спуска, остановился на полпути.

– Подразделение? Позывной куратора?

– Комитет по предотвращению критических ситуаций. Позывной – Мутант.

Конечно, я блефовал. Однажды меня пытались завербовать в суперсекретную группу «К», и я обещал подумать. А «Мутант» было первое, что пришло в голову. Тем не менее на майора это подействовало.

– Комитет, говоришь... – протянул он, немного опуская пистолет. В селедочных глазах проскользнуло нечто, похожее на сомнение. – Значит, и они тут шарятся, вынюхивают. Занятно.

«Они» значило, что майор не имеет отношения к Комитету. И на секретного агента КГБ он тоже не похож – тем в СССР маскироваться под «вэвэшника» не было совершенно

никакого смысла. Значит...

– Твои забугорные хозяева бросили тебя, майор, – криво усмехнулся я. – ЧАЭС с твоей помощью уничтожена, задание выполнено. Больше ты им не нужен. Ты давно под колпаком, за каждым твоим шагом следят наши сотрудники. Хочешь усугубить вину – стреляй. Но помни. Покалечив сотрудника группы «К», ты подпишешь себе смертный приговор. А так, глядишь, обменяют тебя на какого-нибудь нашего резидента внешней разведки, попавшего в плен за границей.

Майор закусил губу, опустил пистолет. Похоже, я попал в точку. В покер, что ли, поиграть как-нибудь, глядишь, стану миллионером. Вдруг блефовать внаглую – это мой скрытый талант, о существовании которого я и не подозревал?

Ан нет, кажись, рано я начал праздновать победу.

Майор поднялся на ноги, быстро подошел ко мне – и мощно ударил меня в челюсть кулаком. Левый хук у него был поставлен замечательно. Если б я не расслабил шею и немного не повернул голову, «сопровождая» удар, быть бы мне как минимум в нокдауне. Впрочем, силы удара хватило на то, чтобы сбросить меня со стула.

– Сотрудник группы «К», говоришь? – прошипел майор, нависая надо мной. – Бреешь, сука! Говори, кто ты такой! Убью, паскуда!

Удар начищенным сапогом летел мне прямо в лицо.

И это было ошибкой.

Привык майор, что после его хука жертва валяется на полу

в прострации, принимая тушкой дополнительные трендюли и не рыпаясь особо.

Но это точно не мой случай.

Летающий в лицо сапог я заблокировал скованными руками, одновременно поймав ногу в ловушку из своих предплечий, словно в капкан. Зажал – и резко крутанулся корпусом, совершая перекат по полу и ощущая, как хрустнул при этом голеностоп майора. Вывих? Или перелом? Неважно. И то, и то очень больно, особенно если после этого ты жестко падаешь на бетонный пол.

Впрочем, падать майор был научен. Упал как кошка, мягко спружинив руками. При этом пистолет он уронил, и тот, вращаясь, улетел под стол.

Но на этом мои преимущества закончились.

Свободной ногой майор душевно так саданул меня в плечо, вырвав вторую из захвата. И вторым ударом попытался отоварить меня в лицо.

Однако я успел крутануться и уклониться от подбитой мелкими гвоздиками подошвы, летящей мне в физиономию. И даже при этом смог подняться на ноги, используя энергию мощного проворота «юлой».

Но и майор был не лыком шит. Вскочил на ноги с не меньшим проворством, и, приволакивая травмированную правую, метнулся в угол, одновременно хорошо отработанным рывком выдергивая из кобуры табельный пистолет Макарова.

У него были все преимущества. Не успевал я достать его кулаками, никак не успевал. Да и неэффективно это, когда руки скованы стальными браслетами. Потому ничего ужасного майор от меня не ожидал, уверенно поднимая ПМ и совмещая линию выстрела с моей грудью.

Да и не мог ожидать.

В период с 1981 по 1989 год в СССР действовала 219-я статья Уголовного кодекса, запрещающая преподавание карате под угрозой двухлетнего тюремного срока либо штрафа до громадной по тем временам суммы в пятьсот рублей. Тогда правоохранители особо не разбирались, карате ты преподаешь или, скажем, тхеквондо – дерешься ногами, значит, лови по полной. Даже известного актера, сыгравшего в тогдашнем советском блокбастере, не пощадили, посадив на год с лишним. А до бума видеофильмов с Брюсом Ли было еще несколько лет...

В общем, когда я в прыжке ударил ногой по руке с пистолетом, в стеклянных глазах майора проскользнуло неподдельное удивление. Которое помешало ему среагировать на второй удар подкованным носком берца в пах. Ну, а после того, как майора согнуло, я с удовольствием нанес экзотический, но вполне рабочий удар выпрямленной ногой сверху вниз, словно ножом гильотины по затылку саданул.

Всё.

Майор ткнулся лицом в пол и больше не шевелился. Надеюсь, это глубокий нокаут. Хотя если всё хуже и против-

ник умер в результате перелома шейных позвонков, я не буду особо страдать – к предателям Родины у меня с детства глубокое отвращение. Как и к шпионам вероятного противника. Кем из них был майор, я так и не понял, но мне было как-то плевать на это. Что дерьмо, что навоз – один хрен отходы жизнедеятельности, не вызывающие желания знакомиться с ними поближе.

Так, одно дело сделано, работаем дальше. Думаю, скоро сюда заглянет кто-нибудь – или давешний лейтенант, или его верный автоматчик. Поэтому я первым делом метнулся к двери и задвинул щеколду. Теперь нужно было срочно решать следующую проблему. Ключей от наручников у майора точно не было – их уволок с собой кашляющий лейтенант. Но это проблема решаемая.

Дело в том, что, когда я меняю одежду, то стараюсь снабдить ее максимальным количеством тонких металлических предметов, которыми в случае сильной надобности можно замок открыть либо вогнать их в глаз нехорошему человеку. Если же максимальным не получается, то хоть по минимуму отовариться в этом направлении.

Исходя из чего, когда я менял берцы на складе Захарова, то в голенище одного из них вставил разогнутую канцелярскую скрепку. Которую сейчас, закусив губу, осторожно извлек, зацепив отросшими, грязными ногтями.

Открывать наручники скрепкой далеко не такое простое занятие, как показывают в кино, ибо проклятый кусочек ме-

талла то и дело норовит выскользнуть из пальцев, а также ткнуться не туда, куда нужно. Прямо как живой, паскуда! Но после нескольких минут сосредоточенной возни я всё-таки справился.

Красные отметины на запястьях, натертые сталью, сразу жутко зачесались. Пофиг на них, не до этого. Главное, что еще несколько минут у меня точно есть: «летёха» напуган изрядно и не рискнет сюда ворваться, даже если услышал какой-то шум. Может, это бравый майор волтузит несговорчивого «языка». Вот и ладошки, вот и хорошо, пусть так и думает.

Я перевернул майора. Хммм, перестарался я немного.

Он не дышал. И лицо уже слегка начало приобретать синюшный оттенок. Что ж, бывает. Но в одном он при жизни был прав. В моем приметном камуфляже мне далеко не уйти. Плюс драный он изрядно и грязный – практически тряпка. А на майоре была отутюженная советская униформа, причем ростом и плечами покойник был практически моей копией.

В общем, вопрос я решил быстро, тем более что трупам одежда ни к чему. Через пять минут майор лежал на полу, накрытый с головой моим выдавшим виды комбезом, а я застегивал на поясе офицерский ремень с латунной двухшпильковой пряжкой и фигурной прострочкой по всей длине. Качественная пряжка, кстати, не штамповка. Значит, и кожа надежная, которая хорошо, не провисая держит кобуру с трофейным пистолетом. Люблю я советскую продукцию, из то-

го времени, когда всё делали надёжно, на века. По крайней мере, для армии. Само собой, бесшумный ПСС я тоже подобрал и положил в специальную потайную кобуру, вшитую для маскировки во внутренний карман – таким оружием не разбрасываются. Жаль только, что запасных патронов к нему при майоре не оказалось – видать, куратор жадный попался, выдал только один магазин на самый крайний случай.

В общем, можно считать, что на первое время у меня с оружием всё в порядке. А вот с сапогами случилась беда. Они оказались на два размера больше. Плохо. Пришлось позаимствовать у моего старого камуфляжа рукава и разодрать их на портянки, поверх которых я намотал те, что были на майоре. В таких сапогах особо не побегаешь. Не сразу, конечно, но ноги в кровь разотрешь. Поэтому будем думать, как выкручиваться из этого неудобного обувного дискомфорта. А заодно соображать, что делать дальше, находясь в хорошо охраняемой зоне техногенной катастрофы.

* * *

Я понимал, что не получится долго шастать по охраняемой территории в трофейной униформе. Ключа от двери кабинета у меня не было, и, хотя я ее плотно прикрыл, труп все равно рано или поздно найдут. Скорее рано – не думаю, что лейтенант с автоматчиком далеко ушли в том направлении, куда их послал майор. Стало быть, скоро вся Зона отчужде-

ния встанет на уши, разыскивая страшного убийцу, умеющего мочить людей голыми руками. И обутыми ногами. Которые, к слову, чувствовали себя дискомфортно. Я уже успел пожалеть, что оставил свои берцы в кабинете, натянув на ноги щеголеватые хромовые майорские сапоги. Всё равно ж вычислят, так хоть убежать было бы сподручнее.

Кстати, насчет убежать.

Я шел по коридору, как я понимаю, штаба охраны периметра, и не имел ни малейшего представления о том, куда мне, собственно, сваливать и что делать. Попробовать украсть машину и рвануть в Киев? А кто мне там, собственно, рад? К тому же, учитывая уровень подготовки советских сотрудников КГБ – а искать гипотетического иностранного шпиона, скорее всего, будет именно это ведомство, – погуляю я по украинской столице недолго. Скрываться от все-союзного розыска, в который меня непременно объявят, это надо особые навыки иметь. И поскольку я не вор-рецидивист, шансов остаться на свободе у меня немного.

Значит, надо пробиваться обратно к Монументу и попытаться вернуться в свое время. Больше ничего не остается. Единственное – от четвертого энергоблока до штаба меня везли в крытом грузовике под прицелом автоматчиков минут пятнадцать. Ехали неторопливо, объезжая, как я понимаю, строительную технику, забившую неширокое шоссе. Стало быть, я примерно в десяти километрах от своей цели. Теперь хорошо бы понять, где находится этот штаб и в каком

направлении двигаться.

Похоже, это строение не всегда было штабом. Скорее всего, его заняли «вэвэшники» после эвакуации населения из тридцатикилометровой Зоны. Здание типовое, с ходу и не поймешь, что это было до аварии – то ли административный корпус, то ли учебный, то ли вообще общага какая-нибудь. Впрочем, без разницы.

Я шел по коридору, по обеим сторонам которого тянулись обитые дерматином двери. Плотненько так обитые, словно в психушке, чтоб звуки воплей из кабинетов не доносились. Но это всё так, мои фантазии. Хрен его знает, зачем оно понадобилось бывшему директору этой конторы. Может, он тепло любил и повелел наворотить такое, чтоб из кабинетов сотрудников не дуло, когда начальство по коридору прогуливается.

Это нормально. Когда я слегка на взводе, мне обычно в голову всякая ересь лезет. А уж когда приходится по-серьезному воевать, то вообще труба – в башке такая чушь, что даже неудобно ее в новый роман вставлять. Но для достоверности приходится, а то читатель не поверит, что я – это я, м-да...

В общем, кабинет, в котором меня допрашивали, находился на втором этаже. Я неторопливо прогулялся по коридору, спустился по лестнице на первый и направился к выходу. Ну да, насчет бывшего административного здания я оказался прав. На крашенных в зеленое стенах первого этажа кое-

где белели пятна – оттуда сняли старые плакаты, вместо которых наспех повесили новые – немного наивные памятники той недалекой эпохи.

Например, сейчас на меня со стены, приоткрыв губастый рот, насупив брови и неестественно повернув голову назад чуть не на девяносто градусов, смотрел юный «вэвэшник», над характерной парадной фуражкой которого красовалась надпись: «Будь бдительным в увольнении!» Забавная рекомендация. Если военнослужащий будет следовать ей буквально, так, как показано на плакате, то рано или поздно свернет себе шею, ибо природой не предусмотрено, чтобы человек заглядывал себе за спину таким макаром. Или следующий, знаменитый «Не болтай!», с серьезной дамой, прижимающей палец к губам.

Интересно, конечно, как женская болтовня может влиять на безопасность, но в целом надо отдать должное агитационной машине Советского Союза – работала она безотказно и грамотно, воспитывая у граждан врожденное чувство истинного патриотизма, которое помогло в том числе и в ликвидации последствий чернобыльской аварии. Люди не задумываясь выполняли свой долг, спасая мир от радиационной заразы, жертвуя при этом своим здоровьем и жизнями. И, думаю, в этом есть немалая толика постоянной наглядной агитации, как вон та, например, во всю стену, с гербом СССР и надписью «Моя Родина – Советский Союз!». Гордость за свою страну ниоткуда не возьмется, ее надо воспитывать с

детства.

Под плакатом стояло знамя полка и бюст Ленина, рядом с которыми замер часовой с автоматом. А прямо напротив часового находился выход из здания. По идее, если тревогу не поднимут еще минут десять, вполне получится покинуть штаб, найти подходящий легковой автомобиль, завести с ключом, который непременно добуду – а если не получится, то и без ключа, я и так, и так умею, после чего...

– Внимание! – взревел динамик оповещения, висящий как раз над головой бюста, с эпохальным прищуром смотрящего в светлое будущее. – В зону аварии проник опасный преступник, являющийся агентом иностранной разведки! Просьба принять все меры для нейтрализации врага, который может быть вооружен! В случае невозможности задержания преступника живым разрешается открыть огонь на поражение. Особые приметы: враг одет в военную форму Советского Союза с погонами майора внутренних войск. Повторяю...

Динамик орал так, что слегка оглушенный часовой аж присел немного. Надеюсь, что смысл услышанного дойдет до него нескоро.

Но я ошибся.

Охранять знамя полка поставили толкового парня. Скользнув взглядом по моим погонам, он резко повернул автомат в мою сторону, одновременно щелкнув при этом переводчиком огня. И не исключая, что у него получилось бы

срезать очередь незнакомого, небритого и потому крайне подозрительного майора, если бы не одно но.

Это в нашей, привычной Зоне, с мутантами, ловцами удачи и прочей нечистью у каждого патрон в патроннике находится, и порой даже предохранитель заржавел в боевом положении. А тут – мирное время, плюс устав караульной службы, согласно которому все патроны должны находиться в магазине.

Что паренька и подвело.

Пока он хватался за рукоятку перезаряжания и дергал ее на себя, я успел прыгнуть вперед, отбить ладонью ствол автомата, направленный мне в живот, и другой рукой наотмашь хлестануть по шее караульного.

В большинстве спортивных единоборств такой удар запрещен – и обоснованно. Ибо в этом случае локтевая кость, словно меч, рубит по сонной артерии, и вдобавок сжатый кулак на манер кистеня бьет в мою любимую точку под ухом. Если сильно садануть, можно сломать сосцевидный отросток височной кости, что вкупе с травмой сонной артерии запросто может отправить человека к праотцам.

Но я ж не зверь какой, чтобы убивать советского военного, выполняющего свой долг. Щелкнул дозированно, отчего парень моментально сомлел. Ноги подкосились, и мне пришлось придержать падающее тело, чтоб оно не ткнулось макушкой в бюст вождя.

По идее, после такого происшествия стоило бежать со

всех ног, но тут мой взгляд упал на сапоги караульного. Поскольку военной обуви я перетаскал на себе немало, то с первого взгляда понял – моё! После чего не стал церемониться. В два рывка сорвал с безвольных ног обувку... и тут понял, что бежать через выход уже не получится – со стороны улицы слышался топот многих ног и отрывистые крики командиров.

И куда теперь?

Взгляд, метнувшийся по стенам в поисках выхода, наткнулся на набитую через трафарет красную стрелку, над которой имелась надпись «В бомбоубежище».

Я с сомнением скользнул взглядом по автомату караульного, но тут же отказался от мысли забрать ценный трофей. Если за потерю сапог парень получит три наряда вне очереди, после чего ему на складе выдадут новые, то утрата автомата равна трибуналу и реальному тюремному сроку в дисциплинарном батальоне. А наряды в данном случае служивому на пользу пойдут. Глядишь, в следующий раз шустрее будет приводить оружие в боевое положение при виде врага.

Всё это я додумывал на бегу, прыгая по ведущим вниз ступеням с сапогами под мышкой. Главное, чтобы дверь в бомбоубежище была не заперта. А еще желательно, чтоб в нем был пожарный выход. Иначе получится, что я сам себя загнал в ловушку...

Как говорится, мечтать не вредно. На массивной двери в бомбоубежище висел устрашающих размеров амбарный за-

мок, над которым был прилеплен небольшой плакатик с надписью: «Бомбоубежище должно содержаться в чистоте и порядке».

Блин, кто бы сомневался. Я не про плакатик, а про замок на двери. Это если дело касается не меня, а кого-то другого, о ком в фантастических романах пишут, что у них удача прет прям как осётр на нерест. И стрелять в героя бесполезно – пули только огорченно свистят вокруг него, не способные причинить ему вред. И ножи он кидает пачками на двадцать метров, причем всегда в цель. И двери противник всегда забывает закрыть, чтоб герою было удобнее смываться...

Всё это, увы, не мой случай.

И попадали в меня не раз, и с метанием ножей у меня так себе, а уж про экстренные пути отхода и говорить нечего... Хотя, когда у тебя за пазухой имеется компактный и бесшумный ПСС, то, в общем, ныть и жаловаться на судьбу тоже как-то некорректно.

Возиться с разогнутой скрепкой, которую я, разумеется, прихватил с собой, времени не было. Но и шуметь до поры до времени не хотелось – грохот от выстрела из «макарова» гарантированно выдаст мое местоположение, а стукнутый мною караульный вряд ли еще пришел в себя, чтобы рассказать о том, куда скрылся преступник, который его вырубил. Поэтому я выхватил бесшумный ПСС из потайной кобуры и выстрелил в замок, очень надеясь, что меня не прибьет рикошетом или оторванной замочной дужкой.

Не прибило, за что судьбе большое спасибо. Лишь пуля, срикошетив от стали, по сапогу чиркнула, вспоров начищенное голенище. Хммм, вот и сетуй после этого на судьбу. Не было б у меня на ноге намотано втрое больше положенного уставом, точно бы пропороло до кости. А так норм, только кусок рваной тряпки из дыры торчит.

Пришлось прижаться спиной к стене и выстрелить еще несколько раз. Лишь с четвертого выстрела разбитый пулями замок, жалобно звякнув, отлетел в сторону.

Дверь оказалась тяжелой, с виду и не скажешь. А с другой стороны у нее оказался нехилый такой засов – две толстые петли, меж которыми я задвинул стальную пластину с приваренной к ней рукояткой...

Всё. Можно выдохнуть. Такую дверку теперь свернуть можно разве что направленным взрывом.

Еще только вбежав в помещение, я заметил возле дверного косяка выключатель. Который, соответственно, и включил.

Бомбоубежище залил тусклый свет одинокого потолочного плафона, изрядно засиженного мухами...

Ну, собственно, и вот. Приехали. Попал я, по ходу. И варианта теперь два. Либо помереть тут с голодухи, либо отодвинуть засов и сдать военным. Потому что в обширном помещении не было ни хрена, кроме толстых бетонных колонн, поддерживающих потолок, и силового шкафа возле противоположной стены. Получается, я сам себя запер в ло-

вушке, из которой нет выхода.

— Ладно, хоть переобуюсь напоследок, — проворчал я себе под нос, стаскивая с ноги дырявый сапог, а за ним и второй. Размотал портянки — как трофейные, так и самодельные. Ну ладно, ноги не растер, и на том спасибо.

Вторично я порадовался, когда кирзачи караульного сели на ногу, будто пошитые на заказ. Жизнь в Зоне вообще приучает радоваться даже приятным мелочам, а уж обувь по размеру для нашего брата — это далеко не мелочь, а один из наиважнейших элементов выживания.

Кстати, о выживании.

Пока я переобувался, мозг гонял мысли. В данном случае преимущественно дельные. Например — за каким бесом в пустом бомбоубежище нужен силовой шкаф? Ради единственной лампочки под потолком не жирно ли будет? Или это просто присущая данному времени советская избыточность, когда всё делали с запасом на случай «мало ли, вдруг понадобится»?

Закончив со сменой обуви, я, дабы развеять свои сомнения, пересек зал и подошел к шкафу, с дверки которого злобно скалился на меня трафаретный череп с костями и подписью под ним: «Не подходи! Убьет!»

Я задумчиво почесал макушку и пришел к выводу, что вряд ли мне стоит опасаться черепа, грубо набитого красной краской. Шкаф был заперт, но эту проблему я решил уже привычным способом, правда, использовал для этого не

ПСС с дефицитными патронами, а табельный «макаров» – теперь, если даже за дверью услышат выстрел, мне это уже никак не повредит.

Дверца, сваренная из тонкой стали, оказалась хлипкой – отлетела в сторону после первого же выстрела. После чего стало понятно, что выполняла она исключительно отпугивательно-маскировочную функцию. Ибо за ней оказалась вторая дверь. Массивная, проклепанная по краям, глубоко сидящая в бетонной стене. А на опять же бетонном косяке той стены имелся габаритный пульт с десятью кнопками. Ясно-понятно. Знаешь код – милости просим. Не знаешь – извини, но тебе здесь не рады.

Такого рода электронных ключей я повидал немало. И ясно было, что этот хоть и солиден в виду, но для сталкера из двадцать первого века не должен стать серьезной проблемой.

Конечно, можно было попробовать сорвать замок пулей, но я опасался повредить проводку. Это тебе не запор на автоклаве, который снес нафиг – и решил проблему. Тут если нужный провод оторвешь, дверь тупо не откроется. Поэтому пришлось начать возню.

К кобуре «макарова» прилагался шомпол-протирка, стальной заостренный штырь с кольцом на противоположном конце, в основании которого имелась примитивная отвертка, предназначенная для полной разборки рукоятки пистолета. Ей я и принялся откручивать винты, которыми крепился замок.

Занятие оказалось непростым. Видать, монтажники очень старались прикрутить замок понадежнее, отчего прорези винтов были частично сорваны. Но не настолько, чтоб не зацепить их отверткой.

Я даже с двумя винтами справился, когда сзади раздались первые удары. Стало быть, разутый мною часовой уже очнулся и рассказал о том, куда побежал новый владелец его сапог, после чего за мной отрядили погоню. Ну, стучать они могут долго, засов-то на дверке солидный, и не такое выдержит.

Однако мой саркастический настрой слегка поутих, когда позади меня раздался мерзкий визг «болгарки». Вот это хуже. Через дверь принялись резать засов. Значит, времени у меня остались считанные минуты.

Третий винт поддаваться решительно не хотел. Особенно после того как я, слегка не рассчитав, крутанул его сильнее чем надо и скovyрнул уже без того травмированную прорезь. А у четвертого она была вообще свернута напрочь, не зацепить. Так, и что дальше? Сдаваться? Стрелять по замку? Стоп, а если так?

Панель замка после выворачивания половины удерживающих ее винтов слегка отошла от стены. Чем я и воспользовался, всунув шомпол в щель на половину его длины. Теперь дело за рычагом.

Увы, на полу ничего подходящего не валялось. Ну да, помню, «бомбоубежище должно содержаться в чистоте и порядке». А что, если так?

Я выдернул из кобуры «макаров», привычным движением снял с него затворную раму, подцепил ее краем кольцо шомпола и надавил что есть силы.

Панель немного поддалась. Но лишь немного. А там, сзади, визг «болгарки» стал еще более мерзким. То есть, «прошли» дверь и уже вовсю пилят засов...

А я тем временем враскачку расшатывал панель, стремясь сорвать проклятые винты. И с пятнадцатой, а может, двадцатой качки мне это удалось.

Недовольно заскрипев сорванной резьбой, винты вылезли наружу, и панель повисла на проводах. Одного взгляда на нее было достаточно, чтобы понять – всё просто. Не изобрели еще в девяностые мегасложные замки для дверей бомбоубежищ. Пусть даже скрытых и бронированных.

Я оторвал провода, припаянные к клеммам панели, и соединил так, как мне показалось верным – желтый с желтым, синий с синим, красный с красным. Меж ними проскочила искра... и ничего не вышло. Твою ж душу!

А сзади, дважды звякнув по бетонному полу, упал распиленный засов.

Не люблю, когда мне палят в спину. Буду ли я отвечать на пальбу преследователей? Блин, не знаю. Это всё равно как на войне в своих стрелять, когда они стреляют в тебя. Но, как бы там ни было, лучше уж принять своё лицом к лицу.

Я отпустил провода, одновременно разворачиваясь в сторону открывающейся двери в подвал – и невольно зашипел.

Провиснув, два провода дотронулись до моей руки, долбанув током, а еще два коснулись друг друга.

И тут я услышал скрип. Это отъезжала в сторону бронированная дверь.

Я дядя взрослый и в чудеса не верю. Зато верю в собственное невезение, благодаря которому меня то бьет током, то забрасывает в очень паскудные миры. А еще я верю в совпадения, когда то невезение оборачивается большой удачей.

Увидев такое, я ринулся к медленно расширяющейся спасительной щели между дверью и косяком и стал протискиваться в нее, рискуя в конце такого эксперимента стать плоским как камбала, при этом услышав, как кто-то зычным командирским голосом заорал на весь подвал:

– Огонь по шпиону!

Но «шпион» уже протиснулся в щель и даже рванул рубильник, торчащий из стены с другой ее стороны.

Пули бестолково замолотили по броне, и сквозь грохот выстрелов, усиленный подвальным эхом, я расслышал вопль:

– Отставить, мля!!! Рикошетами вас же посечет нах!!!

Это верное замечание. Стрельба в замкнутом помещении в этом плане дело опасное. А сейчас так вообще бесполезное, так как движение двери изменило ход на противоположное, и в сужающуюся щель меж нею и косяком сейчас вряд ли протиснулась бы даже вышеупомянутая камбала.

Я подождал, пока дверь закроется, после чего прижался

к ней и выстрелил в рубильник, сорвав его пулей со стены. Теперь пусть военные думают, как открыть намертво заклинившую дверь. Донельзя довольный таким раскладом, я развернулся было – и уткнулся носом в карту-схему, висящую на стене.

Поверху карты шла надпись:

«Эвакуационная схема подземных научно-исследовательских лабораторий и производственных комплексов Чернобыльской атомной электростанции».

И под надписью, собственно, подробный чертеж, напоминающий план муравейника в разрезе...

Матерь Зона моя! Я и подумать не мог, что под ЧАЭС и прилегающей к ней территорией расположен целый город с кучей секретных объектов, непосредственно от этой самой электростанции получающий необходимую энергию. Нет, разумеется, про подземные научные лаборатории я знал, но за всё время моих шатаний по Зоне полной карты подземных коммуникаций мне не попадалось. Надо же, оказывается, они проложены не только под всей Зоной отчуждения, но и тянутся дальше, за пределы карты, в сторону крупных населенных пунктов. На карте были указаны лишь направления: «на Киев», «на Чернигов», «на Коростень», «на Мозырь»...

Ума не приложу, зачем нужно было проделывать такой объем работы, строя настолько обширную, разветвленную сеть, но это, как говорится, советским руководителям вид-

нее. Мне же нужно было по возможности кратчайшим путем добраться до Монумента, чтоб решить мою проблему. Когда тебе не рады, лучше не искушать судьбу и вернуться туда, где если и не встретят с распростертыми объятьями, то хоть стрелять в тебя будут не все, а хотя бы через одного.

Схему я от стены аккуратно оторвал и засунул за пазуху – пригодится. Фотографическая память у меня хорошая, но карта пусть лучше будет со мной. Хотя бы в качестве сувенира.

Позади меня вновь раздался приглушенный, но, тем не менее, всё равно омерзительный визг «болгарки» – это преследователи решили пробиться через бронированную преграду. Ну-ну, удачи. Это вам не дверь в подвал, сваренная из стального двухмиллиметрового листа, тут придется изрядно повозиться.

Разумеется, дожидаться результатов той возни я не стал и быстрым шагом направился по коридору, ведущему, судя по карте, к ближайшей лаборатории.

* * *

Сихан рассказал много чего. Он говорил, Виктор слушал. Что ему еще оставалось делать? Только слушать. И стараться не думать о том, что уже в третий раз произошло у него на глазах.

Учитель говорил, что Воины Ночи с древних времен хра-

нили не только секрет бессмертия, но и само Время. Которое не раз пытались изменить те, кто приходил из будущего. Они были уверены, что смогут поменять ход истории – кому подобное не вскружит голову? Ученые будущего научились пробивать порталы в прошлое, но так и не смогли решить проблему отдельно взятых личностей, страдающих зашкаливающим самомнением и манией величия.

Вывалится такой герой из какого-нибудь двадцать четвертого века в абсолютно пуленепробиваемой броне и направится уверенной походкой во дворец императора или в резиденцию сёгуна, доставая на ходу из кобуры какой-нибудь хитрый генератор смертоносных лучей. Мол, грохну правителя-паразита, и ух как круто заживем мы в своем будущем, отретушированном и изрядно измененном столь благородным поступком.

Однако Воины Ночи еще в Средние века понимали, что ничего хорошего из этого не выйдет. Поэтому один за другим исчезали герои из прошлого, не достигнув заветной цели, – например, вместе со своей супербронею в яму провалится, где немедленно будет засыпан землей, утрамбован и накрыт пластами срезанной травы, чтоб следов не найти. Или встретит на своем пути прекрасную деву, попавшую в беду. Ринется на помощь, спасет, откинет забрало своего неуязвимого шлема для благодарного поцелуя – а вытянувшая пухлые губки красавица возьмет да и плюнет в глаз спасителя отравленной иглой.

В общем, были методы. Пока герои из будущего не сообщили, что их настоящее почему-то не меняется, а засланные в прошлое диверсанты не возвращаются. А может, подсказал кто. Например, ренегаты. Те, кто раньше боролся за светлое настоящее, живя в своем Средневековье без горячего душа, цветного телевидения и комфортных автомобилей – и вдруг узнали, что всё это есть, и доступно. Стоит лишь немного помочь героическим потомкам, дабы после удачно проведенной акции они забрали помощника в свой рай со всеми удобствами.

– С давних времен клан Сумиёси-кай хранил Время, – вздохнул сихан. – Мы понимали – малейшее его изменение способно нарушить Равновесие, которое приведет к ужасающим последствиям. А вот в Ямагути-гуми считали по-другому. Мол, всё, что идет на благо клана, священо. И наплевать, как и за счет чего это благо было достигнуто.

– Закон якудзы, – невесело усмехнулся Виктор.

– Каждый клан якудза понимает этот закон по-своему, – покачал головой сихан. – Члены Сумиёси-кай осознают, что они прежде всего люди. Часть человечества. И когда человечеству угрожает опасность, они стараются ее устранить. И нарушение Равновесия есть одна из таких опасностей.

– Теперь понятно, почему мы воюем с Ямагути-гуми, – сказал Савельев. – Они хотят менять прошлое так, как им выгодно, а мы, стало быть, храним Время.

– Верно, – кивнул сихан. – У Ямагути-гуми был воин,

умеющий ходить сквозь пространство и время. Он прошел испытание стихией Воды и убил неживого, что с древних времен считается испытанием, достойным Мастера стихии Пустоты. Но случилось так, что однажды его послали убить слишком уж способного ученика клана Сумиёси-кай, который вплотную приблизился к уровню Воды, но еще не достиг его. Он был очень силен, тот воин враждебного нам клана. Но наш способный ученик убил его в честном поединке, причем убил, не имея при себе боевого оружия. А после позволил побежденному врагу умереть достойно...

Виктор прикрыл глаза. Память услужливо преподнесла ему незабываемое воспоминание из прошлого.

Пагода Испытания стихией Воздуха...

Самый верхний этаж той пагоды, которого он достиг, пройдя не только ее опасными коридорами, но и проникнув через ворота страны мертвых...

И человек, зарубивший Инструктора школы, пришедший сюда, чтобы убить его, Виктора...

Хотя нет, уже не Виктора Савельева, простого паренька из далекой России. Тот Виктор, что однажды перелез через забор школы клана Сумиёси-кай, умер бы через мгновение после того, как увидел синоби такого высокого уровня, решившего уничтожить его. Но в тот день воина враждебного клана встретил Оми-но ками, «дух провинции Оми». Это легендарное имя даст Виктору сихан после того, как узнает

о том, кого убил его безоружный ученик⁸.

– Перед смертью ты разрешил ему срезать своё лицо, но мы всё равно узнали, кто он и откуда пришел, – сказал сихан. – А потом ты прошел испытание стихией Воды и пощадил *неживого*, став тем, кем должен был стать. Мастером стихии Пустоты.

Виктор покачал головой.

– Ты ошибаешься, Учитель, – сказал он. – Ты сам сказал, что, не убив *неживого*, невозможно стать Мастером стихии Пустоты. К тому же такой Мастер может находиться в Пустоте и проходить сквозь время. Я же не умею ни того, ни другого.

– Ты уверен? – приподнял седые брови сихан. – Тогда взгляни вокруг и скажи, где мы сейчас с тобой находимся.

Виктор послушно оторвал взгляд от лица учителя, которое он видел совершенно четко – в отличие от окружающего пространства. Коттеджный поселок, посреди которого они по идее должны были находиться, исчез. Более того, пропало всё, за что мог бы зацепиться взгляд. Виктор и сихан, тело которого, в отличие от лица, казалось несколько расплывчатым, словно висели, скрестив ноги, в серой, унылой, одно-тонной пустоте. Да и говорили ли они? Только сейчас Савельев осознал, что воздух не может колебаться там, где нет

⁸ Подробно об этих событиях можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Ученик якудзы». Данный роман является вторым в трилогии «Якудза», выпущенной отдельной книгой в 2018 году.

воздуха. И тем более невозможно услышать слов от того, кто сидит напротив тебя не открывая рта.

– Ты сейчас там, где могут находиться лишь ками, бестелесные духи, – проговорил сихан. – И тебе не нужны сложные машины для того, чтобы проходить сквозь время и границы миров.

– И... как мне это сделать? – спросил Виктор, пораженный тем, что ему открылось только что.

– Вспомни, как ты проходил через ворота страны Токоё, – пожал плечами сихан. – Пристанище мертвых и истинная Пустота не слишком отличаются друг от друга. Некоторые мастера даже полагают, что это одно и то же.

– А... вы, сихан? – проговорил Виктор, осененный догадкой. – Вы-то живы? Я помню, как вы бились с тэпподама клана Ямагути-гуми, которые, как я понимаю, ворвались на территорию нашей школы, чтобы убить меня...

– Ты все верно понимаешь, – усмехнулся сихан. – И при этом удивляешь меня. Неужели ты думал, что обычные убийцы-смертники могли причинить мне вред?

– Вы говорите и про телесную оболочку тоже или имеете в виду только своё ками? – заподозрив неладное, спросил Виктор.

– Ты задаешь слишком много ненужных вопросов, ученик, – нахмурил седые брови учитель. – А нужного так и не задал. Пора бы тебе уже поинтересоваться, чего ради я трачу столько своего времени, растолковывая то, до чего ты был

должен давно додуматься сам.

– И зачем я здесь, учитель? – послушно поинтересовался Виктор, помня из прошлого опыта, что спор с сиханом никогда не заканчивался ничем хорошим.

– Ты подписал Клятву синоби, – с торжественными нотками в голосе произнес старик. – И сегодня ты обязан выполнить свой долг перед кланом, воспитавшим тебя. Один белый гайдзин случайно попал в прошлое своего мира и сейчас вполне способен его очень серьезно изменить. Твоя задача предотвратить это.

– Как? Убить его?

– Не имеет значения, – отозвался сихан. – Хотя, возможно, убить его было бы наилучшим выходом.

– И кто он? – спросил Савельев.

– Ты знаешь его, – сказал сихан. – Ты очень хорошо его знаешь.

* * *

Я шел по коридору неторопливым шагом человека, идущего по делу, но в то же время знающего себе цену. Погоны обязывали. Изредка мне навстречу попадались люди. Преимущественно военные, которые брали под козырек, получая в ответ аналогичное приветствие от меня. Но попадались и гражданские. Одни в белых халатах, другие – видимо, обслуживающий персонал – в удобных черных комбинезонах.

На груди тех, что были в халатах, зачастую болтались фильтрующие полумаски. Не матерчатые, как у тех, кто работал снаружи, а вполне себе серьезные армейские респираторы, крашенные в защитный зеленый цвет. Хммм, интересно что же в этих лабораториях может быть более опасного, чем радиоактивная пыль наверху?

Однако удовлетворить мое любопытство было непросто. Стальные бронированные двери по обеим сторонам коридора были плотно закрыты, и ломиться в них без повода у меня причины не было. К тому же моя задача заключается не в том, чтоб поглазеть, чем тут ученые люди занимаются, а побыстрее добраться до четвертого энергоблока, пока меня не вычислили местные ловцы шпионов.

Но тут одна из бронированных дверей открылась с лязгом, сопровождаемым недовольным голосом изнутри, видимо, ответившим на вопрос, которого я не услышал:

– Да какая гистология, и так всё ясно. На кремацию везите.

Я отступил на шаг в сторону, чтоб меня не зашибло открывающейся бронеплитой. Из-за нее показалась каталка, которую толкал габаритный мужик с отсутствующим взглядом, одетый в белый халат, слегка заляпанный снизу гнойно-зеленой слизью. На каталке лежало чье-то тщедушное тело, накрытое простыней, сквозь которую проступали два больших пятна такого же гнойного цвета.

Мужик уже почти вытолкал каталку в коридор, как позади

него раздался окрик:

– Скворцов, стой! Сопроводиловку забыл!

Плечистый Скворцов команду выполнил исправно: едва взяв разгон, резко остановился, отчего легкое тело поехало по каталке вместе с простыней. Из-под нее вывалилась худая и гибкая верхняя конечность неестественного серо-болотного цвета, покрытая бляшками, смахивающими на присоски. Понятно. Какой-то мутант, возможно, отловленный в одной из вселенных Розы Милов. Не удивлюсь, если в восемьдесят шестом году наши ученые уже пробивали проходы в другие миры, таская оттуда местных жителей для исследований.

В коридор выскочил невысокий человечек в очках с седящей бородкой и швырнул на каталку небольшую папку. Я как стоял – так и замер на месте. Я слишком хорошо знал этого человека для того, чтобы ошибиться, несмотря даже на то, что выглядел он значительно моложе. Это был профессор Захаров собственной персоной, который, скользя по мне взглядом, понимает, меня не узнал, ибо встретимся мы с ним только в следующем веке.

– Можно ехать? – поинтересовался исполнительный санитар, который, словно простой, но надежный механизм, без отдельной команды работал плохо.

– Да-да, Скворцов, езжай, – буркнул Захаров. – Дожили, в лаборатории я сам должен за всем следить, иначе будет полный и абсолютный бардак.

Дверь закрылась, каталка уехала вдаль по коридору, а я

всё стоял, осмысливая произошедшее. И даже не встреча с профессором, уже погибшим в моем времени, настолько поразила меня. Просто я успел прочитать, что было написано на самом верху папки крупными красными буквами.

«Особо секретно! Оборонные специализированные мутации».

Получается, на каталке лежал осм, один из мутантов мира Кремля, прозвище которых и есть аббревиатура от этих самых «оборонных специализированных мутаций»! А специализированно мутировали его здесь, в лабораториях ЧАЭС! Что ж, всё сходится. Именно в этих подземельях Советский Союз начал ковать свое секретное оружие, которое потом было использовано в Последней Войне. И у истоков этойковки стоял академик Захаров.

Впрочем, данная информация ничего мне особо не дала. Я и так знал, для чего использовались подземные лаборатории, запитанные энергией от Чернобыльской АЭС. Единственное – был не в курсе, что именно в них создали осмов. Кстати, вполне может быть, что где-то за этими бронированными дверями в автоклаве под воздействием искусственно вживленного D-гена растет и наливается силой первый дружинник, потомки которого будут ценой своей жизни защищать Кремль от нашествия биороботов, нео, дампов и прочей нечисти.

Размышления обо всем об этом не мешали мне мысленно держать перед глазами карту и продолжать идти по коридо-

ру, периодически сворачивая в его ответвления. Я не боялся ошибиться – такие же схемы, висящие на крашеных в зеленое стенах, попались мне на глаза еще дважды, что лишний раз помогло мне удостовериться в правильности выбранного маршрута. Доставать трофейную карту из-за пазухи не хотелось, чтоб лишний раз не приковывать к себе подозрительных взглядов, так что схемы на стенах пришлось весьма кстати.

Стальные двери по обеим сторонам коридора сменились крепкими деревянными с номерными табличками на них. Похоже, из лабораторного блока я попал в административный. Ладно. По моим прикидкам я прошел уже без малого половину пути, как вдруг случилось неожиданное.

Из-за очередного поворота коридора навстречу мне вышли три человека в форме того же песчаного цвета, что и у меня. Только их погоны были синими, с желтыми буквами – «ГБ». Вот оно. Приехали. Однако быстро работает Комитет государственной безопасности.

Все трое были коренастыми, как на подбор. Единственное, что меня смутило: самый старший по званию был сержантом, двое остальных – ефрейтор и рядовой. Как-то не верится, что брать матерого шпиона послали обычных солдат, пусть даже специально тренированных.

– Ваши документы, – потребовал сержант, преградив мне путь. Его лицо было бесстрастным, каким и положено быть лицу человека с чистыми руками, горячим сердцем и холод-

ной головой, искренне верящего в свое правое дело и несомненное светлое будущее.

– Сначала ваши, товарищ солдат, – прищурился я. – Вместе с предписанием вышестоящего начальства, дающим вам право останавливать офицера Советской армии без веских на то оснований.

Похоже, сержант такого не ожидал – не иначе, понадеялся на шокирующее впечатление, производимое синими погонами. Но виду не подал. Я лишь успел заметить легкий ступор в его глазах после моих слов, словно заданная программа не подошла и сейчас компьютер в голове сержанта подбирал другую.

И подобрал.

– Вы арестованы, – надавив голосом, сообщил он. – Пройдемте, и без глупостей. Со всеми необходимыми документами вы сможете ознакомиться...

Но я уже его не слушал.

Эти парни с неподвижными лицами были такими же «кагэбэшниками», как и я – майором внутренних войск. И дело даже не в том, что их звания не соответствовали важности задания. Просто никакой командир в своем уме не пошлет на такой арест троих безоружных бойцов – по-хорошему, этого сержанта сзади должен был прикрывать взвод автоматчиков, а не пара сослуживцев.

Но и это еще не все.

Внутренним чутьем я осознавал, что сержант просто про-

говаривает текст, который ему надиктовали другие. Не он тут главный, харизма не та, хотя парень крепкий и наверняка волевой.

Главным в этой тройке явно был стоящий позади сержанта рядовой с монголоидной внешностью. Может, казах, может, якут – СССР страна многонациональная. Но силой от него пёрло нереальной, это я сразу, что называется, спинным мозгом почувствовал.

Ситуация была нестандартной, поэтому, как всегда в подобных случаях, я начал работать на опережение, одновременно вызывая в воображении образ мантикоры – стандартный мой ритуал для выпадения в состояние ускорения своего личного времени. И, как следствие, замедления движений моих противников.

Прямо с места я ткнул сержанту в горло чуть ниже кадыка – костяшками пальцев, сжатых в половину кулака. Хотел бы убить, ударил в адамово яблоко, разбив щитовидный хрящ, обломки которого вскрыли бы трахею. А так лишь дыхалку смял, словно в шланг пылесоса долбанул, на короткое время перекрыв доступ кислорода к легким.

Сержант подавился окончанием предложения, схватился за горло и резко согнулся в поясе. Ожидаемо. Я сделал полшага вправо, пропуская мимо летящую мне в грудь голову ударенного и одновременно слегка приседая с ударом предплечьем по основанию черепа. Не зря такой подарок противнику называется «гильотина» и запрещен во многих ви-

дах единоборств. Голову, конечно, он не отрубит, но шейные позвонки сместить может конкретно, навсегда парализовав всё, что расположено ниже зоны страшной травмы.

Однако я и тут рубанул в полсилы, рукой, расслабленной в локте. Поэтому удар получился не жестко-травмирующим, а хлестким, следствием которого скорее будет легкое сотрясение мозга, которое молодой и здоровый парень запросто переживет, полежав недельку на больничной койке.

Надо отдать должное, ефрейтор среагировал сразу. И ударил меня ногой в пах. Хорошо так ударил, как учили, «на вынос», словно хотел своим сапогом разрубить меня от причинного места до горла.

Попади он куда метил, мне б точно не поздоровилось. После такого удара в лучшем случае пришлось бы как минимум недели две в больнице отлеживаться, нянча свои причиндалы, распухшие до размеров спелых помидоров. А в худшем такой удар разбивает в тряпки тестикулы, навсегда кастрируя мужика. Ну, а если уж совсем не повезет, то и мочевого пузыря тоже.

Это он, конечно, зря. Когда меня так бьют, я с себя все моральные ограничения снимаю. Время уже начало слегка замедляться, поэтому я довольно легко пропустил летящую снизу ногу мимо себя, перехватил ее примерно на уровне груди и, схватившись за стопу, резко повернул с доворотом корпуса, будто большую гайку с резьбы сворачивал.

Послышался хруст, за которым немедленно последовал

длинный и протяжный крик – таким я его услышал в своем замедленном времени. Неудивительно. Заорешь, когда тебе голеностопный сустав вывихнули жестоко и бесцеремонно, порвав при этом несколько связок. Зато впредь будет думать, кому можно бить фатально травмирующие удары, а кому лучше не надо. Например, я так бью, когда меня убивать собираются или серьезно покалечить. Допускаю, конечно, что ефрейтор, увидев, что я сделал с сержантом, не разобрался в моих добрых намерениях, перепугался за свою жизнь и долбанул соответственно. Но тут уж извините, в такой серьезной драке мне как-то плевать на то, что движет субъектами, собирающимися сделать из меня инвалида.

И тогда я делаю в ответ то же самое.

Ефрейтор рухнул на пол, воя от боли и пытаясь дотянуться до неестественно вывернутой стопы. А я приготовился ловить атаку азиата и реагировать на нее соответственно.

Но тот остался на месте. И я с удивлением заметил, как уголок его рта дрогнул в некоем подобии улыбки.

А потом я услышал слова, которые произнес азиат... не открывая рта:

– Ватаси-но нингё – ва ёй нингё...

Мое время было ускорено, соответственно, и слова, произнесенные моим противником, я должен был бы слышать словно в замедленной записи.

Но я слышал их так же, как и обычно!

И объяснение этому могло быть только одно. Азиат уско-

рил свое личное время так же, как сделал это я. И сейчас мое преимущество понемногу превращалось в уязвимость – данный боевой режим жрет личную силу, словно голодная барракуда. Это значит, что с каждой секундой я становился слабее...

Поэтому я не стал медлить и ринулся на азиата, намереваясь срубить его быстро и эффективно. Как получится. Пальцем в глаз слегка ткнуть, по горлу отработать опять же, или под ухо несильно ударить – ровно настолько, чтоб освободить проход по коридору и двинуться дальше к своей цели.

Ринуться-то я ринулся, но внезапно в самом начале движения вдруг почувствовал, что руки и ноги у меня стали ватными, а горло словно схватили невидимые клещи. А я в выдох всю силу вложил, чтоб рывок получился максимально эффективным... Выдохнуть-то выдохнул, а вдохнуть не получилось – и я кулем рухнул на пол, дергаясь словно рыба, выброшенная на берег.

Последнее, что я запомнил перед тем, как провалиться в беспамятство, было лицо азиата, склонившееся надо мной. И внезапно пришедшее понимание, что говорил он вовсе не на языке народов Средней Азии или нашего Дальнего Востока, а совершенно на ином наречии...

* * *

Виктор задумчиво покачал головой.

– Этот человек может изменить мир, находясь в прошлом, – повторил он слова сихана. – Но почему мне кажется, учитель, что вы что-то недоговариваете. Единственная ли это причина, почему я должен убить его?

Старик внимательно посмотрел на своего ученика.

– Я все больше и больше убеждаюсь, что ты и правда вплотную приблизился к Пустоте, – проговорил он. – Не только физически, но и духовно. Настолько ясно видеть суть вещей может лишь синоби высшего порядка. Но у тебя есть один недостаток. Ты считаешь этого гайдзина своим другом. И это очень плохо. Истинный воин свободен от любых обязательств, кроме верности своему клану.

– И вновь вы не до конца искренни, учитель, – произнес Савельев. – Как может мне или клану повредить наша дружба?

– Хорошо, будь по-твоему, – кивнул сихан, скрестив большой и указательный пальцы на обеих руках, что означало высшую степень раздражения. – Ямагути-гуми охотятся за тобой, чтобы заполучить секрет бессмертия, ибо они уверены, что ты его знаешь. Члены этого клана не остановятся ни перед чем, чтобы заполучить желаемое. И бить они будут в твои слабые места.

– Я понял, – кивнул Виктор. – Они будут стараться заполучить Снайпера, чтобы я сам пришел к ним, верно? Крупную рыбу ловят на мелкую наживку.

Сихан вновь кивнул, на этот раз удовлетворенно.

– Я рад, что ты понял, – проговорил он.

– Понять-то я понял, – хмыкнул Савельев. – Только, боюсь, Ямагути-гуми могут сильно пожалеть, если попытаются использовать Снайпера в качестве наживки. Он не из тех, кто позволит насадить себя на крючок.

По лицу сихана пробежала тень.

– Мне тяжело говорить это, – произнес он. – Честь нашего клана запятнана. Ты помнишь Масурао, который был моим лучшим учеником до того, как появился ты?

– Да, – отозвался Виктор.

Еще бы не помнить действительно талантливой бойца, всем сердцем возненавидевшего «белую куклу», которая однажды неуклюже перелезла через забор школы синоби – и через непродолжительное время превзошла его во всем.

– Масурао... предал нас, – тихо произнес сихан. Видно было, что эти слова даются ему непросто. – Он переметнулся к Ямагути-гуми, где, по слухам, каким-то образом прошел испытание Воды и убил *неживого*. Теперь он умеет всё, что умеешь ты, и, может, даже лучше – ведь ты оставил в живых своего *неживого*, так и не завершив ритуал.

Виктор опустил голову.

– Возможно, в свое время я неправильно понял принцип саккацу, – еле слышно произнес он.

– Свобода убивать и свобода даровать жизнь и в том, и в другом случае остается всего лишь свободой выбора, – покачал головой сихан. – Ты пощадил Масурао, но он не поща-

дит ни тебя, ни твоего друга. Как бы ни был хорош тот белый гайдзин, ему не справиться с синоби стихии Пустоты.

Пальцы Виктора еле слышно хрустнули, сжимаясь в кулаки.

– Учитель, вы сказали, что я умею проходить сквозь время и пространство между мирами. Но я понятия не имею, как это делается!

Сихан улыбнулся в седые усы.

– И это говорит тот, кто однажды уже раздвинул сёдзи⁹ страны Токоё¹⁰ и прошел через нее? Поверь, пересечь границы времени и других вселенных немногим сложнее. Кстати, я уговорил двух твоих друзей вернуться к тебе. Признаться, это было непросто, но они всё-таки согласились. Думаю, с ними тебе будет проще идти по Пути Воина...

– Но как я найду своего друга? В какой из вселенных мне его искать?

– Не сопротивляясь предначертанному, иди своим Путем Воина – и он сам выведет тебя к твоей цели...

Голос учителя отдалялся, его образ постепенно становился размытым, нечетким, словно Пустота растворяла его в себе – или же он сознательно решил стать частью ее.

– Сихан! – воскликнул Виктор, рванувшись вперед... И

⁹ Сёдзи (яп.) – раздвижные полупрозрачные перегородки из плотной вощёной бумаги, заменяющие двери и окна в традиционном японском доме.

¹⁰ Страна Токоё (яп.) – «страна вечного мира». Мир смерти, и в то же время – мир бессмертия, в представлениях древних японцев находящаяся далеко за морем.

вдруг осознал, что лежит на траве, а в его сведенных судорогой пальцах зажата холодная земля, которую он, похоже, скреб пальцами, находясь в беспамятстве.

Невдалеке кто-то надрывно кричал. Савельев приподнялся с земли. Понятно...

Забор его коттеджа был изуродован. Сквозь огромную дыру в ограждении был виден дом, в котором вылетели все стекла и просела одна стена. Отсюда было не видно дымящейся ямы, которая образовалась после взрыва. Но Виктор успел заметить, как хлопнула входная дверь коттеджа. Это вошел в дом человек, только что потерявший жену и сына.

И звали этого человека Виктор Савельев...

Виктор застонал. Тяжело терять семью. Вдвойне тяжело опоздать спасти самых дорогих на свете людей, точно зная, что их ждет. Но когда ты знаешь точно, что теперь уже никогда не получится вернуть прошлое и предотвратить тот взрыв, зачем жить дальше?

Но тут сквозь горе, затопившее разум, словно лучи солнца через густой туман стали пробиваться мысли.

Сихан? Он только что видел его так, словно учитель был жив. Да только жив ли он на самом деле? Возможно, синоби его уровня вполне мог посетить своего ученика, покинув на время страну Токоё... Но тогда получается, что и он, Виктор, только что был там... И кто тогда остановил его, если учитель мертв?

Савельев тряхнул головой. Есть вещи, о которых лучше не

думать, иначе можно просто сойти с ума. Особенно когда эти вещи касаются Пустоты и страны мертвых. А также людей, способных посещать их, словно переходя из одного дома в другой.

Оторвать взгляд от полуразрушенного забора было трудно, но Виктор усилием воли сделал это. Он уже не раз оплакал жену и сына, и делать это вновь было выше его сил...

И тут взгляд Виктора упал на траву рядом с ним, на которой лежали два меча. Один подлиннее, другой покороче. Первый – классическая японская катана. Вторым... Вторым больше походил на ниндзя-то, прямой меч синоби, само существование которых многие историки ставят под сомнение.

«Кстати, я уговорил двух твоих друзей вернуться к тебе. Признаться, это было непросто, но они всё-таки согласились. Думаю, с ними тебе будет проще идти по Пути Воина...»

Слова сихана словно вновь прозвучали в голове Виктора. «Уговорил двух друзей...» Японские кузнецы с древних времен были уверены, что после завершения работы их мечи обретают свое ками – душу, обладающую собственным разумом. Ведь по представлениям японцев не тело имеет душу, а душа управляет приданным ей телом. И это очень неплохой выбор для ками воина, если оно найдет себе тело в виде хорошего меча.

Виктор хорошо помнил встречу на дне озера Испытания с несколькими мечами, принявшими образ людей. Тогда он сам находился в состоянии *мицу-но кокоро*, что переводит-

ся как «разум, подобный поверхности озера», когда человек видит мир таким, какой он есть на самом деле. Иными словами, ками Савельева тогда встретилось с ками мечей, в то время как его тело, лишенное души, сидело на берегу. Человеку непосвященному всё это может показаться бредом горячечного больного. Но тот, кто прикоснулся к тайнам секретного учения *миккё*¹¹, подобное воспринимает естественно, как нечто само собой разумеющееся.

С черным вакидзаси тогда удалось договориться о сотрудничестве. Второй меч, оказавшийся более надменным, чем его брат, отказался пойти с белым гайдзином. Впрочем, впоследствии он всё же присоединился к брату, с которым его связывала и история создания одним и тем же мастером, великим Сигэтаки из Эдо, и металл, не принадлежащий этому миру, частицы которого они оба хранили в своих клинках.

– Спасибо, сихан, – прошептал Виктор, понимая, что увиденное не было наваждением и что его учитель действительно сумел разыскать и перенести его утраченные мечи через пространство и время. Деяние, о котором в древности мудрецы непременно упомянули бы в своих трактатах. Сейчас же подобное современные люди сочтут сказкой. И это нормально. Люди двадцать первого столетия смотрят только глазами, забыв о том, что их душа способна видеть и ощущать

¹¹ Миккё (*яп.*) – «тайное учение», эзотерический буддизм, при изучении которого осваивались секретные техники – гипноз, телепатия, достижение особых состояний психики, в т. ч. боевого и мистического транса.

гораздо большее...

А слова сихана продолжали звучать в голове Виктора, словно эхо бурных волн, бьющееся о скалы.

«Ямагути-гуми охотятся за тобой, чтобы заполучить секрет бессмертия... Сегодня ты обязан выполнить свой долг перед кланом, воспитавшим тебя... Один белый гайдзин случайно попал в прошлое своего мира и сейчас вполне способен его очень серьезно изменить. Твоя задача предотвратить это... Масурао предал нас... Ты пощадил Масурао, но он не пощадит ни тебя, ни твоего друга».

– Ну, это мы еще посмотрим, – сквозь зубы процедил Виктор. А руки между тем делали привычную работу: размотать длинные шелковые шнуры-сагэо и с помощью их определить оба меча себе за спину заняло не более одной минуты.

Сделав это, Савельев встал на колени и сел на пятки, не обращая внимания на крики людей возле его дома и вой пожарных сирен. Всё это уже не принадлежало его миру, было чуждым и ненастоящим. Словно сами собой в голове возникли слова из прошлого:

«Сознание круглой луны. Лишь в этом состоянии можно увидеть мир таким, каков он есть на самом деле, не искаженным собственными мыслями и ощущениями...»

Хотя нет. Не слова. Образы. Слов и мыслей больше не было. Было лишь ощущение, что картина привычного мира сползает, словно старые обои со стены, обнажая серую, невзрачную поверхность истинной реальности, словно мечу-

щими светляками усыпанную слабо светящимися коконами – так в Пустоте видны посвященным обычные люди.

Если бы Виктор умел испытывать страх, он бы, наверно, испугался того, что собирается сделать. Но бояться его учили давно, как и испытывать неуверенность в себе, которая, как известно, самый худший враг человека в любом деле. Сихан сказал, что Путь Воина выведет Виктора туда, куда надо, – нужно лишь довериться своей интуиции, тренированному предчувствию. И тогда оно само найдет в мирадах светящихся коконов, открывшихся перед Савельевым, белого гайдзина, которому сейчас нужна помощь. Иначе и быть не может.

Пальцы легко сплелись в фигуру, которую сихан называл «печатью хэй». Слова молитвы-заклинания древнего божества сами полились с языка, словно только и ждали того момента, когда Виктор... нет, не Виктор. Когда Оми-но ками решится снова произнести их...

Туман возник почти сразу, будто ждал призыва. Он колыхался перед Виктором, словно живой, и смутные овалы, похожие на человеческие лица, проплывали в его глубине, будто пытаясь получше рассмотреть сверкающий кокон, осмелившийся открыть проход между миром живых и страной мёртвых.

«Легко войти в страну Токоё. Гораздо труднее найти выход оттуда... Сейчас ты мог перейти границу между живым и мертвым, но тогда твоё сознание без остатка поглотила бы

Пустота, как это случается с обычными людьми... Лишь безупречный Воин способен следовать путями синоби без вреда для себя...»

Слова сихана, сказанные много лет назад, звучали где-то в уголке сознания – но сейчас они только мешали. К чему слушать чужие слова, когда нужно действовать?

Виктор поднялся с коленей – и сделал шаг...

* * *

Это не было похоже на обычное беспамятство. Из меня словно вытянули все силы, и сейчас я валялся в полузабытье где-то... Где-то на холодном полу. И если валяться так же, как сейчас, таким макаром можно запросто застудить почки.

Я попытался перевалиться на бок. И мне это удалось. Так. Что с обстановкой? Первое ощущение – руки связаны. Спреди. Уже хорошо, это лучше, чем сзади. Теперь зрение.

Я моргнул с усилием раз, другой. Вязкая хмарь, болтающаяся перед глазами, – верный признак сотрясения мозга – начала понемногу отступать. Но тошноты не было, значит, всё-таки не сотряс. И это замечательно. Прямо не день, а сплошное везение.

Правда, в картину офигенной удачи не вписывались три персонажа. Двое стояли возле закрытой двери с автоматами, направленными в мою сторону. А третий сидел на полу, скрестив ноги, и неторопливо перебирал буддийские четки

с мохнатым хвостиком на конце. А из-за плеч у него торчали рукояти двух японских мечей. Похоже, друг Савельева по ниндзячьему искусству в Зону пожаловал. Или недруг – как вариант.

С некоторым усилием сфокусировав зрение, я разобрал детали. Тип на полу был тем самым японцем, что каким-то немыслимым способом вырубил меня на расстоянии. То, что он именно японец, я догнал не сразу. Но несколько слов, произнесенные им, всколыхнули в памяти песенку на иностранном языке, которую как-то мурлыкал себе под нос Виктор Савельев. Когда я спросил, что это, он отмахнулся – мол, детская японская песенка про куклу. Ну ладно, каждый напеваает то, что ему нравится. Хотя странно, что эдакая машина для убийства, как Савельев, зачем-то запомнил такое.

Сейчас на японце, владеющем какой-то бесконтактной боевой хренью, уже не было униформы рядового КГБ. Вместо нее он напялил на себя мешковатый черный костюм, выглядящий весьма убого, но, наверно, очень удобный в носке. Я сам люблю, когда одежда свободная, но в то же время не настолько, чтобы цепляться рукавами и штанинами за посторонние предметы. Костюм японца был именно таким.

Двое других, находящихся в комнате, были одеты в черную униформу местной obsługi и держали в руках компактные немецкие автоматы MP5 – немыслимая экзотика в Советском Союзе.

Впрочем, обведя взглядом помещение, я не особо удивил-

ся столь нехарактерному оружию.

На стенах комнаты висели плакаты, несколько отличающиеся от тех, что я видел в подземных коридорах. Один рекомендовал строго хранить государственную и военную тайну. Второй рваными строками Маяковского призывал юношей делать жизнь с товарища Дзержинского. А на третьем сам Железный Феликс собственной цитатой категорически призывал быть зоркими и бдительными. Ну и два титанических сейфовых шкафа по углам комнаты, плюс стол со стоящим на нем графином с водой и стул, привинченный к полу, дополняли общую картину.

Судя по внешним признакам, это сто процентов был кабинет офицера КГБ. С высокой вероятностью того, что лежит вон там, у стены, по которой к его уху тянется бурая полоса крови, уже успевшей свернуться. Кто-то отработал не заморачиваясь: подошел да и отвесил кагэбэшнику увесистую оплеуху, сориентировав офицера головой в бетонную стену, по которой тот и стёк на пол безвольной тяжелой каплей. Эффективно, не поспоришь. Чем отбивать свои руки об чужие черепа, лучше долбануть противника башкой об бетонную стену, которая всяко тверже любого кулака. Небось вон тот японец и вырубил безопасника, на которого решил не тратить свои суперспособности. Расчетливый, сволочь. Понимает, кого можно конечностями бить, а к кому лучше не приближаться на расстояние удара.

Это я, конечно, сейчас сам себе льстил. Глядя на бес-

страстное лицо японца, я уже понимал – в случае чего он меня и конечностями уделает запросто. Такое понимание приходит не сразу, а только с многолетним боевым опытом, который у меня имелся в избытке.

Между тем японцу, похоже, надоело перебирать четки. Он лишь качнул головой, и этого оказалось достаточно. Один из автоматчиков с поклоном приблизился к хозяину, взял у него какой-то пакетик, после чего метнулся к шкафчику на стене, нашел там заварочный чайник, вылил в него воду из графина, засыпал содержимое пакетика и поставил чайник на электроплитку.

Ага, японец решил чайком побаловаться, даже ради этого дела отложил четки и небольшую индивидуальную чашечку достал из-за пазухи.

Я вяло наблюдал, как суетится вокруг него автоматчик, организуя шефу чаепитие в полевых условиях. И гадал, что это за парни такие. Униформа вроде такая же, как у местных рабочих, и сами автоматчики на них похожи – обычные славянские лица, ни капли монголоидного в них не наблюдается. Так какой им интерес прислуживать иностранцу, неизвестно какого лешего забывшего в подземных лабораториях Чернобыльской АЭС?

Впрочем, через некоторое время я заметил в движениях автоматчиков нечто неестественное. Двигались они как-то рвано, механически, что ли. Будто во сне, хотя довольно шустро для лунатиков. А еще я заметил, что, когда один дви-

гается, второй слегка «подвисает». Глаза у него стекленеют, хотя автомат держит исправно, направленным в мою сторону. И когда я попытался поменять положение, он повел стволом так, чтобы по-прежнему держать на прицеле мое колено. Намек ясен, передвижение на своих двоих не рекомендуется. Интересно, зачем я им нужен?

Я задал этот вопрос вслух, но никто и не почесался. Японец продолжал прихлебывать чаек, глядя сквозь меня, словно я состоял из воздуха. Автоматчики тоже не отреагировали. Один тупо смотрел на меня, держа на прицеле своего автомата, второй возился с чайником, периодически доливая в него воду для кипячения. Впрочем, ответа я и не ждал. Просто проверил, не настроены ли мои новые знакомые на диалог. Не настроены. Ждут чего-то. Может, машину, чтоб перевезти меня куда-нибудь, а может, просто ожидают, когда японец неторопливо напьется чаю, после чего нашинкует пленника в бастурму мечами, висящими за его спиной.

Так прошло минут двадцать.

Японец поставил на пол пустую чашку, качнул головой еще раз, мол, надо бы повторить, и быстрым, но плавным движением поднялся на ноги. Лихо. У меня так, скорее всего, не получится, чтоб из позы лотоса без помощи рук встать на ноги. Хотя как-нибудь надо попробовать.

Ага. Будь ты хоть суперменом, но если много пьешь, то вода по-любому попросится наружу. Вторая дверь в стене вела в туалет, о чем свидетельствовала надпись, набитая крас-

кой через трафарет. Туда японец и нырнул, после чего примерно через минуту послышалось журчание. Ну да, пока под этим черным балахоном своё хозяйство найдешь, времени немало пройти может. Это ниндзя еще оперативно уложился, с непривычки небось в складках такой одежды по первости отыщешь всё что угодно, кроме того, что нужно.

А между тем движения заготовщика чая стали немного медленнее. И у второго бойца глаза превратились в неподвижные шарики...

Моя догадка подтвердилась. Японец ментально управлял этими людьми, полностью подчинив себе их волю. Причем даже сейчас, сливая в унитаз отработанный чай, он прекрасно видел меня глазами своих послушных кукол. Значит, все эти качания головой были не для них. Для меня. Чтоб я подумал, будто они такая вот слаженная команда, где подчиненные понимают малейший жест командира. Ага, так я и поверил, что наши русские парни будут заучивать что значит то или иное покачивание тыквы своего босса. Может, у них в Японии это в порядке вещей, но у нас такое точно не прокатит.

Я понял – второго шанса не будет! Не знаю, чего ждет писающий ниндзя, но ясно, что для меня это не сулит ничего хорошего. Поэтому я начал действовать.

На что я надеялся? Да как обычно, просто начал двигаться без надежд на оптимистический исход и даже без особого плана. Главное ведь в жизни что? Правильно, не сидеть

на пятой точке, а действовать. Тогда хоть какой-то результат будет. А если не отрывать свой зад от плоскости, ожидая, когда на тебя счастье свалится, то ничего кроме геморроя не дождешься.

В общем, привстал я и, протянув связанные руки к заварщику чая, сказал вполне дружелюбным тоном:

– Дружище, а мне можно хотя бы водички? Пить очень хочется.

Движение абсолютно безобидное, не предусматривающее стрельбы по коленям. Но тот, у двери, заметно напрягся, положив палец на спусковой крючок автомата. А ответственный за чаепитие босса принялся разворачиваться в мою сторону вместе с чайником, который держал в руке. По дну которого я и долбанул ногой, резко оттолкнувшись от стены всем телом.

Кипяток в лицо штука неприятная. А плеснуло знатно, на шею и на подбородок. Понимаю, парень не виноват, что его мозги взял в плен коварный иностранец. Но я был уверен процентов на девяносто девять – как только японец получит желаемое, он избавится от своих кукол так же, как избавился вон от того кагэбэшника, что сейчас лежит мертвый у стены. Так хоть надежда есть, что парень в живых останется – лучше уж помучиться некоторое время с обваренным подбородком, чем оказаться на том свете.

Тот, у двери, слегка тормознул – пули выбили фонтанчики бетона в том месте, где мгновение назад была моя нога.

На это я и рассчитывал, бросаясь вперед, к заготовщику чая, который, бросив чайник, попытался схватиться за обваренное лицо. Что странно – он не кричал. От такой боли любой завопит как резаный. Но, видимо, японец конкретно контролировал его мозг, и парень лишь рефлекторно поднял руки – но дотронуться до подбородка не успел, так как я, вскочив на ноги, крутанулся всем телом, мощно ударив обваренного локтем по затылку.

Парень хрипло выдохнул, когда его бросило прямо на автоматчика – наверно, заорать хотел, но не вышло. Однако стрелок и сам увидел, что происходит. Видать, всё-таки что-то от себя прежнего в нем осталось, потому что он усилием воли рванул ствол автомата вниз, дабы не задеть очередью товарища.

Результат получился такой, какой хотелось: ударенный сбил с ног автоматчика, и оба они рухнули на пол. При этом незадачливый стрелок стукнулся головой о бетон и, похоже, отрубился, так как оружие выпало из его рук. Его товарищ тоже не шевелился, видать, конкретно я его приложил. Отлично, оба потенциальных противника в отключке.

Я бросился к автомату, схватил его – благо компактный пистолет-пулемет вполне можно удерживать со связанными запястьями – и направил ствол на дверь туалета.

Но выстрелить, увы, не успел.

Знакомая боль скрутила внутренности, и оружие вывалилось из вмиг ослабевших пальцев. Меня согнуло, но усилием

воли я удержался на ногах. Хрен тебе, паскуда, лучше я стоя сдохну от разрыва кишок, чем снова буду кататься по полу. В первый раз это было неожиданно. Сейчас же я примерно представлял, чем всё закончится, но покорно ждать, словно баран, когда тебя зарежут, это точно не моё.

– Неплохо, белая кукла, – на чистейшем русском проговорил японец, выходя из туалета и завязывая черным шнуром то, с чем наши люди гораздо быстрее справляются с помощью молнии. – Я ждал чего-то подобного, и ты оправдал мои ожидания.

Я молчал. В таких случаях говорить не нужно. Победитель сам всё скажет без твоего участия. Это его триумф, ему и речь толкать. А от тебя требуется лишь одно – держать рот на замке и слушать, изредка вставляя тематические реплики.

– Кстати, ты неплохо говоришь по-нашему, – отметил я.

– Выучил, – хмыкнул японец. – После того, как твой соотечественник победил меня. Тогда я поклялся найти его и отомстить. А сильного врага нужно знать досконально.

– Подозреваю, что это Виктор Савельев надавал тебе пощам, – предположил я. – Он такой, с него станется.

По бесстрастному лицу японца проскользнуло некое подобие ухмылки.

– Ты моя наживка, белая кукла. Думаю, сегодня твой Виктор Савельев придет освобождать тебя. И получит от меня то, что заслужил. А потом я убью тебя. Выкину из жизни, как охотник выбрасывает использованную наживку...

Он говорил что-то еще, явно получая удовольствие от сознания своего превосходства над побежденным. Я же тем временем принохивался, ибо почувствовал сладковатый персиковый запах, идущий из-под двери. Одновременно мне стало трудно дышать, а стены кабинета как бы поплыли перед глазами.

И значить это могло только одно.

До принятия конвенции о запрещении химического оружия оставалось еще семь лет, поэтому никто не упрекнул бы госбезопасников в том, что они решили уничтожить опасных преступников боевым отравляющим веществом, не подвергая более опасности своих сотрудников.

– Циклозарин, – прохрипел я.

Японец оказался парнем сообразительным и отреагировал моментально.

Сразу потеряв интерес к беседе, он начал с нереальной скоростью наносить удары руками по воздуху. Казалось, что японец рассекает его, словно некую прозрачную, но вполне осязаемую субстанцию – и эти рассечения, будто полупрозрачные раны, некоторое время висят над полом, складываясь в какие-то непонятные знаки, напоминающие иероглифы.

Всё происходило очень быстро, но я успел насчитать то ли семь, то ли восемь этих постепенно исчезающих знаков, прежде чем японец рубанул рукой по воздуху, словно мечом, сверху вниз.

И в спертом воздухе кабинета я ясно увидел разрез – примерно такой, какой оставляла «Бритва», рассекая пространство между мирами. Только молний не было видно по краям этого разреза – лишь слабое, зловещее свечение, похожее на мерцание болотных гнилушек.

В этот разрез японец и нырнул, словно в приоткрытую дверь, которая тут же за ним и закрылась с едва слышным шелестом. Миг – и нет в кабинете ни загадочного иностранца, ни портала, который он открыл собственными руками. Лишь слабый запах болотной гнили примешался к персиковому аромату, который продолжал усиливаться.

Я понимал – смерть неизбежна. Скорая и мучительная. Но я был бы не я, если б не продолжал бороться до конца.

Любой человек, работавший на секретном объекте, опасном для здоровья, во времена СССР обязан был иметь с собой аптечку. А уж сотрудник КГБ – тем более. Поэтому, как только японец исчез в своем портале, я ринулся к труп, перевернул его и рванул клапан оттопыренного нагрудного кармана, оторвав пуговицу.

Я не ошибся в своих предположениях. В кармане лежала АИ-4, ярко-оранжевая индивидуальная аптечка, самый простейший набор первой помощи в черновыльской Зоне отчуждения.

Но выбирать не приходилось.

Трудно со связанными руками оказывать себе первую помощь, но мне не привыкать. Открыв аптечку, я вынул

пальцами из гнезда шприц-тюбик с красным колпачком, который сорвал зубами, после чего вогнал иглу в бедро прямо через штанину. Если я правильно помнил состав этой аптечки, в шприце должно было содержаться средство, применяемое при отравлении фосфорорганическими соединениями, к числу которых относится циклозарин. Выдавив тюбик, я выдернул иглу из ноги, после чего принялся выковыривать из аптечки красно-белую капсулу с резервным антидотом, так же применяемым при отравлении фосфорорганическими веществами.

Выковырять я ее выковырял и даже открыл, но удержать не смог. Несмотря на введенное содержимое шприц-тюбика, мир уже плыл перед глазами, и руки тряслись изрядно. Но я не стал пытаться подобрать связанными руками крошечный контейнер, а ринулся к лежавшему на полу автоматчику, у которого на поясе висел нож в черных ножнах. Выдернуть его из которых заняло одну секунду: массивная рукоять – это не маленькая пластиковая фиговинка, тут и со связанными руками справиться можно. Главное, чтоб лезвие тупым не оказалось от постоянного вскрывания им консервных банок.

Не оказалось. Отрубившийся хозяин ножа был молодцом, лезвие оказалось острым как бритва. Поэтому еще через десять секунд мои запястья были свободны, благо навык разрезания ножом связанных рук я периодически тренировал, что сейчас и пригодилось.

Подобрав оброненный контейнер, я вытащил из него ват-

ку-пыж и вытряхнул в рот две таблетки. Всё. Теперь следовало бы понять, зачем я это сделал: от той дозы отравляющего газа, что сочился из-под двери, antidоты не спасут. Думаю, минут пять мне осталось. Может, семь, не больше. И что? Подыхать в этом кабинете как крыса, которую травят ядом? Ну уж нет. Пока я жив и ноги меня еще держат, буду бороться. До конца.

Сдернув с пояса раненого быстросъемные ножны, я всунул в них трофейный нож, который пристегнул к поясу. Ну не могу я без ножа, хоть убейте меня на месте. Когда нет его под рукой, я словно без штанов на званом обеде. И после того, как сломалась моя «Бритва», на душе у меня кошки скребли, словно с любимой девушкой расстался. Так что пусть этот острый и на первый взгляд годный нож у меня побудет. «Бритву» он мне, конечно, не заменит, но если у мужика есть хоть какой-то нож, это всяко лучше, когда он вообще без ножа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.